

ВОЙНА ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА

Пятого января жители Цимлянского района отметили 75-летие со дня его освобождения от немецко-фашистских захватчиков, а 2 февраля страна отметит 75-летие разгрома фашистских войск под Сталинградом. К сожалению, свидетелей тех событий осталось не так уж и много, поэтому их воспоминания, записанные краеведом Алексеем Александровичем Константиновым, сегодня особо ценны, ведь в них отражена вся правда той далекой для нынешнего поколения жизни. Сегодня мы предлагаем читателям «Придонья» воспоминания Семена Кишенина, которому в 1941 году исполнилось 10 лет. К тому времени Семен окончил три класса Карнауховской школы.
(Печатается в сокращении)

Оккупация

Когда война началась, в нашей местности повода для беспокойства еще не было. Ни у кого и мысли не возникало, что мы окажемся под оккупацией. Поверить в то, что немецкие войска дойдут до нас, пришлось уже в начале лета 1942 года, когда нас, мальчишек, начали привлекать к рытью окопов и траншей. Долго копать мне не пришлось, я вывихнул ногу. Детство брало верх даже в это тревожное время. Мой одноклассник Иван Саранчин, догоняя, прыгнул на меня, и мы упали в уже вырытый окоп. Это падение и стало причиной вывиха ноги, которую мне «вправила» соседка -

бабка Фрося. Увы, воспользоваться оборонительными сооружениями нашим отступающим войскам не пришлось - слишком стремительное было наступление немецких войск.

Уже в августе в наш хутор заявили румыны. Двигались они к нам со стороны хуторов Каширкина и Ионова через Хорошевскую. Колонна их цыганских кибиток растянулась километра на четыре. Не ожидая ничего плохого, народ вылез из своих хат посмотреть на это войско, и напрасно. Уже вскоре закудахтали куры, завизжали свиньи, заревели коровы - начался «цивилизованный» грабеж. Пробовали к ним обращаться, взывая к совести и состраданию, - безрезультатно. Румыны, лопоча на своем, наставляли на нас винтовки.

Пятеро румын подошли к моей матери - Акулине Денисовне Кишениной - дочери атамана из хутора Великанов Дениса Ефимовича Борисова, предлагая ей печь для них хлеб. Свой отказ моя мать аргументировала тем, что выпечка большого количества хлеба ей непосильна.

Я и отец тоже пытались объяснить румынам, что выполнить их заказ мать не сможет, но все кончилось тем, что обозленный румын ударил отца прикладом винтовки в грудь. От сильного удара отец упал на землю. Мы занесли его в хату, уложили на кровать, надеясь, что все обойдется для него благополучно, но ошиблись. Отец не поднимался. Немецкий врач, которого мать пригласила от отчаяния, пытался лечить, но ничего не вышло. Не призванный по «броне» и возрасту Алексей Андреевич Кишенин умер от нелепого по своей сути случая 21 декабря 1942 года. Румын тот, как это ни странно, наказание понес. Когда он ударил отца, в хуторе находились немецкие солдаты. Мы пожаловались им на румына, показали пострадавшего отца. Немцы приказали нам зайти в дом, а сами закрыли ставни и заткнули прогоны. Возле каждого окна нашего дома стоял немецкий солдат. Мы испугались, решив, что немцы задумали что-то недоброе. Мысль о поджоге дома вместе с нами, не покидала до тех пор, пока

они не открыли дверь и не закричали: «Матка! Выходите, мы ему «дали». Мы вышли. Румын, ударивший отца, стоял привязанный к забору и избитый плетью громко скулил то ли от боли, то ли от обиды. Без объяснений было видно, что союзники ему здорово ввалили...

Бомбёжка

Началу оккупации нашего района предшествовала очень сильная бомбёжка станицы Цымлянской. Немецкие летчики бомбили станицу методично, их самолеты, сбрасывая свой смертоносный груз, безнаказанно разворачивались над нашим хутором и вновь сбрасывали бомбы на пылающую станицу. Началось все так. Обоз сопровождения колхозного скота за Волгу стоял недалеко от хутора. Мой отец забыл дома плетку и послал меня за ней. С другом Мишкой мы побежали ко мне домой. Еще не добежав до хутора, услышали какой-то гул. Озираясь, увидели в небе три немецких самолета - один спереди, а два других за ним по краям. Самолеты блестели, как зеркало. Перевели мы взгляд с самолетов вниз, в сторону Цымлы, а там уже над станицей поднимаются черные клубы дыма. Через некоторое время донеслись звуки взрывов. Потом в небе, прямо над обозом, появился немецкий самолет. В обозе находился политрук: откуда и зачем он с нами был - не знаю. Политрук из автомата стал по нему стрелять. Развернувшись, самолет дал очередь по обозу. Разбежались мы кто куда. Я с Иваном Саранчиным и его матерью оказался в глубокой балке, которая была неподалеку от хутора. Слышим опять гул немецких самолетов, которые летели в сторону Цымлы. Тридцать самолетов мы насчитали, а через некоторое время - еще тридцать. Четыре волны по тридцать самолетов. Мы лежали на земле, а нам казалось, что бомбы падают неподалеку, а не в десяти километрах от нас.

Когда все немного поутихло, начали мы выбираться из своих схронов. Смотрим, а Цымла вся в огне и дыму. Начали мы пробираться к обозу, там нашелся и мой отец, живой и невредимый.

В небе появилась «рама», от которой полетели листовки. Отец мне: «Беги сынок, принеси».

Бежал я долго, почти до самого хутора Калачёвского - километра три, не меньше. Поймал я одну листовку и принес ее к обозу, там уже и председатель колхоза объявился. Текст листовки гласил: «Граждане! Не бойтесь, мы вас не тронем! Готовьте курки, молоко - мы от вас недалеко!». Обоз никуда не пошел, Немцы нас кругом обложили, ни скот, ни технику гнать было невозможно. Весь скот немцы потом порезали и пожрали, а что не съели, то вывезли, возможно, под Сталинград, в стороне которого постоянно грохотала канонада, видно было зарево пожаров. Там шла ожесточенная битва наших войск с фашистами.

Отступление немцев

Отступление немцев началось часов в девять вечера. Было это в конце декабря или начале января 43-го. Ночь была тёмная, снега почти не было, да и не очень было холодно. Немец, который жил у нас говорит мне:

«Чемодан, чемодан! Пошли!».

Я взял чемоданы и мы вышли на улицу. Там творилось что-то невообразимое. Машины одна за одной двигались мимо нас, ослепляя фарами, обдавая копотью выхлопных газов, забивая глаза песком.

Дошли мы до балки (над ней жил Николай Некредин), а там стояла крытая грузовая машина.

«Лезь, Лезь!», командует мне немец. Боязно, но в кузов я полез. Немец подал мне чемоданы. Я поставил их в кузове и попытался слезть с машины.

«Сидеть, сидеть!», приказал он мне. Притаился я в уголке у заднего борта кузова, а мысль не даёт мне покоя: куда повезут и что со мною будет? Решение пришло одно – бежать при первой возможности. Наша машина только тронулась, а тут другие немецкие машины как пошли - ничего не видать. Изловчившись, прыгнул я вбок от нашей машины и кубарем в балку.

Вдогонку мне прострочила автоматная очередь, но для меня всё обошлось благополучно. Немцы думали, что я побегу, а я притаившись, лежал в прошлогодней высокой траве. Уже потом, когда немцы отступали, я пришёл к выводу, что немец, наверное, хотел меня отправить в Германию.

Похоронная команда.

Через некоторое время после того, как хутор Карнаухов был оккупирован, стали немцы к нам привозить для захоронения своих убитых солдат. Где они были убиты мы не знали, но было ясно, что были они со сталинградского направления. Убитых было очень много, человек триста, а то и более.

Немцы заставили нас копать могилы для своих солдат и хоронить их. Хоронили без гробов, как были они в обмундировании, так и укладывали их могилу, ничего не снимая. На могильный холмик немцы сами ставили свой крест. Были ли на них таблички или надписи – не помню. Время шло, шло и уже перед нашим наступлением пришлось нам хоронить наших погибших разведчиков – двенадцать бойцов. Моя мать ходила смотреть на место их гибели, а заодно и поискать какие-либо трофеи (одежду или продукты питания).

После освобождения нам выделили быков с возилкой, на которой мы перевезли убитых разведчиков для захоронения в общей могиле.

Потом на этой же возилке стали вывозить на скотомогильник трупы немецких солдат. Скотомогильник находился за хутором – туда мы и возили трупы немцев. Потом могилы зачистили и закопали.

Когда хоронили наших разведчиков в Братской могиле, я их всех обследовал. Если пуля попадала в грудь солдату, то спина была вся вырвана, а если пуля попадала в спину, то вырвана была вся грудь. Это значило, что стреляли немцы запрещёнными разрывными пулями, после которых шансов выжить у бойца не оставалось.

Голод

1943-й год, наряду с освобождением, принёс в нашу семью и ужасный голод. Голодали тогда многие, но у нас был случай особый. Многодетная семья, враз оставшаяся без кормильца, в полной мере испытала «прелести» голодного времени. В двенадцатилетнем возрасте, чтобы не умереть с голоду, мне пришлось освоить профессию попрошайки.

Просил милостыню во всех окрестных хуторах. Довелось побывать в станице Новоцимлянской, и в хуторе Ремизове и хуторах, которые находились в Кучугурах. Мельник хутора Ремизова – Григорий Корнеевич Басай поделился со мной, а знакомство с ним пригодилось мне и значительно позже.

Когда открылась на Дону навигация, то из станицы Цымлянской на пароходе «Молотов» отправился я вниз по реке. Война ушла уже за Ростов, и некоторые жители хутора Карнауховского, прослышав, что в Раздорах был хороший урожай кукурузы, решили туда ехать - кто купить, кто на что обменять. Отпросился у матери (голод выбора не оставлял) и я.

«Езжай! Может, хоть ты живой останешься!», - напутствовала она меня. Пароход на пристани Цымлянской был уже готов к отплытию. Денег на билет не было – решил проситься ехать без билета. Возле трапа сидел старичок, принимающий у пассажиров билеты.

- Дедушка! Пусти меня на пароход, я хочу в Раздорах милостыню попросить!

- Беги, сынок, беги, - сжалился надо мною сердобольный дед.

Пароход отчалил от пристани и мы поплыли вниз по Дону.

- Дядя! А в Константиновке пароход будет долго стоять? – обратился к своему соседу.

- А что ты там хочешь делать?

-Хочу милостыньку просить. Я очень кушать хочу, - ответил я.

- Сынок! Пароход там будет стоять два часа. Смотри, не опоздай, а то отстанешь, - ответил мне сосед.

В Константиновке за время стоянки парохода мне удалось выпросить продукты у сжалившихся надо мною людей. Кто-то дал несколько варёных картофелин, кто-то кусочек хлеба, домашнего сыра и так далее. Короче, в сумке у меня был продуктовый паёк, который вселял в меня уверенность, что теперь я с голоду не умру.

В Раздорах была совсем другая жизнь. Играл духовой оркестр, а девки на пару с мужиками танцевали прямо на пристани. Пришлось задуматься над тем, где ночевать. Увидев небольшой домик на косогоре, отправился туда. Бабушке-хозяйке перед тем, как проситься на ночлег, объяснил, кто я, откуда и цель моего приезда в Раздоры. Выслушав, бабуся пообещала меня накормить, а с ночлегом посоветовала обратиться к её соседке. Она налила мне домашней лапши, оказавшейся необычайно вкусной. Мне и сейчас кажется, что вкусней той лапши я никогда в жизни ничего не ел.

Соседка, у которой я заночевал, посоветовала мне рано утром не идти попрошайничать.

- Сынок! Как только хозяева управятся со своими домашними делами, тогда и иди, - напутствовала она моя.

Подаяния были щедрыми. Кто-то давал котелок кукурузы, другие – зерно, отруби, макуху и прочие продукты. В одном доме мне долго не открывали. В щель я увидел, что во дворе там играют в лото. Я уже уходил когда меня окликнули:

- Мальчик! Ты что хотел?

Я объяснил, что прошу милостыню.

- Подожди! – сказала мне хозяйка.

Четыре ведра кукурузы всыпала она мне в мешок. Добрými словами отблагодарил я её, отправившись к бабушке, которая кормила меня лапшой. Тяжёлый мешок, я еле дотащил. Высыпав содержимое мешка на волюще, я вновь отправился за милостыней. Помимо кукурузы, на этот раз мне давали и большие куски хлеба.

Более трёх мешков насобирал я продовольствия, которое скопилось во дворе у бабушки. Вопрос о том, как перенести всё это добро на пристань, повис в воздухе. Однако удача была на моей стороне. На пристани я встретил дядю Сашу – друга моего отца. Он специально ездил покупать кукурузу, поэтому с ним было человек пять помощников. Дядя Саша дал им команду, и весь мой груз был доставлен на пристань, а затем и на подошедший пароход.

Когда я вернулся сытый и довольный, дома никого не было. Прямо на стол я высыпал кучу кусков хлеба и убежал играть.

Мать не поверила своим глазам, когда увидела такое добро на столе и в таком количестве, да ещё мешки с зерном и кукурузой. То с одной стороны подойдёт и отщипнёт кусочек хлеба, то с другой стороны, не веря в приваленное счастье.

Так самое страшное время голода отступило от нашей семьи.

Источник:

Владимирова О. Война глазами очевидца: воспоминания Семёна Кишенина, записанные краеведом Алексеем Александровичем Константиновым//Придонье.-2019.-13 января.- С.2.